

Слёзы Турана -16: Копье пролетает мимо

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -16: Копье пролетает мимо КОПЬЕ ПРОЛЕТАЕТ МИМО

Вот уже десятый день, как верблюда, предназначенного для священного жертвоприношения в честь одержанной победы над Самаркандом, разнаряженного в ковровые ленты, серебряные колокольчики и лучшую сбрую, важно и торжественно водили по базарам Мерва. Перед гордым животным с высоко поднятой сухой, красивой головой шли барабанщики и флейтисты. Голос глашатая слышался в самых дальних уголках огромного и шумного базара:

– Слушайте, о благочестивые люди великого Мерва! Слушайте, и не говорите потом, что не слышали. Скоро священный праздник!. Принесем всемогущему свои жертвы. Воздадим должное счастливому созвездию, оберегающему наш город и его обитателей!

...Блеют бараны, кричат торговцы зеленью, звенят цепи на шеях невольников, кричат бойцовые петухи. Знатоки петушиных боев блаженно поглаживают бороды, глядя на окровавленных, измученных, но задорных птиц.

Гвалт и крики базарных обитателей перебивает голос глашатая:

– Слушайте!.. Слушайте!..

Трещат барабаны, режут длинные кожаные трубы, а рядом – дробный треск крашеных золотой краской бараньих рогов. Бой баранов – величественное представление. Делаются крупные ставки, здесь можно и проиграть, и нажать состояние.

Женщины и дети выбегают из толпы, бросают в отточенный кокосовый орех деньги и выдергивают у разукрашенного верблюда из боков клочья шерсти: эта шерсть может принести счастье, уберечь от болезней, позволит родить подряд пять сыновей. Клочья шерсти прячут глубоко за пояс и снова вливаются в базарную толпу, от которой пахнет луком, потом, псиной ночлежных домов и нежным розовым маслом...

Много неповторимого, яркого, интересного на базаре в эти дни.

Многие жители города идут к высоким шестам, на которых растянуты канаты. Вольные, рослые степняки, прокуренные жаркими кострами, жадно смотрят на схватку двух огромных волкодавов. Но снова доносится гром барабанов, призывающих к вниманию и повиновению. Базар затих. Горластые кожаные трубы еще раз известили о начале праздника. Базар ожил с новой силой. Толпы направились к площади, где готовились воинские состязания. Сам султан Санджар откроет шумный и блистательный праздник победы над Самаркандом. Еще дед – Тогрул-бек учил: чем больше пиров, тем преданнее подчиненные!..

Вот из высоких резных ворот, вделанных в проемы глинобитной стены, на большую площадь, политую из бурдюков, вышел полк исфаганцев. Воины связаны между собой толстым волосатым арканом. Лица размаlevаны крикливыми красками. Откормленные бойцы словно перед сражением кричат, бьют мечами о щиты, потрясают копьями. Кони ржут, грызутся, скалят зубы. Тяжело воеет толпа, окружившая полк. От истощного крика, конского ржания и топота, бешеной игры оружием некоторые зеваки не выдерживают и падают в пухлую пыль дороги. Стройняшки, красивые мальчики в белых чалмах – ученики медресе, осторожно подносят к лицам пострадавших склянки со снадобьями.

...А за первым отрядом уже идет второй. И эти дородные воины связаны между собой толстым волосатым арканом. И снова раздается конское ржание, топот ног, звон оружия и крики обитателей базара.

Но вот перед входом во дворец заревело сразу шесть кожаных труб. Два знатных бека вынесли из дворца разукрашенный топор. Два других подняли копье дамасской стали. А за ними все так же мерно и гордо вышагивал разукрашенный коврами и лентами верблюд, держа высоко неподвижную, величавую, словно коронованную голову. Тонкая, едкая пыль вилась в воздухе. Жарко печет солнце. Люди валятся на колени, падая лицом в пыль. Над огромным полем – глухая тишина. Из ворот на тонконогом нисайском жеребце выехал султан Санджар.

– Слава великому сельджукиду!

– Слава покровителю!

– Слава! – несется с крыш, с деревьев, с дувалов.

В глазах людей яркий огонь гордости, острый, жадный, обжигающий. Он вспыхивает от искрящихся на солнце парчевых халатов

– Сла-ава! – морским прибоем разносится по широкому полю.

Султан вздрагивает, выпрямляется в седле и прогибается в пояснице, судорожно перебирая натянутые поводья. Повелитель гордо вскидывает голову, еще крепче подбирая поводья. И кажется, он загорается тем огнем, что пылает в глазах толпы, и через тугие поводья передает искры этого пламени жеребцу. И тот, чуть касаясь копытами земли, строго и надменно ведет по толпе огненным глазом.

– Слава! – полнится поле от края и до края.

– Сла-ава! – зверея, кричит толпа, отряхивая пыль с халатов.

Напряженной ошупью, пританцовывая, нисайский жеребец словно плывет к тому месту, где лежит связанный верблюд. У земляного крутого валика султан поднял на дыбы коня и сильная, холеная рука перехватила разукрашенное копьё. Закусив удила, пришпоренный острой звездочкой в каблуке, жеребец рванулся в галоп. Привычно, как в бою, тяжело налитое тело султана Санджара срослось с седлом и только кисть, сжимая копьё, оставалась легкой и свободной. Ветер свистел в ушах, как бы стараясь выбросить из седла крепко впаянное тело султана. Знакомый легкий и пьянящий озноб власти и уверенности охватил Санджара. Седок приподнялся на стремянах, подтянул поводья и хлестко, почти не глядя, метнул копьё в связанного верблюда.

И вдруг в глазах султана потемнело – копьё пролетело мимо. Колыхнулась первая шеренга воинов, пошатнулась вторая. Где-то оборвались приветствия. И вдруг в тишине раздался удивленный возглас:

– Смотрите, он такой же, как и мы!..

Жеребец рванулся, и великий сельджук с ужасом увидел, как воин в барсовой шкуре метнул в него копьё. Разрывая губы аргамака, защищаясь, султан поднял коня на задние ноги, но копьё пролетело мимо...

Любимец султана Каймаз, исправляя ошибку хозяина, рубанул топором по вытянутой шее связанного верблюда.

Стража бросилась в толпу, но Ягмур пришпорил жеребца и скрылся

в одной из кривых улочек города.

Лицо султана было бледным, но все таким же властным. И только огненный жеребец почувствовал, как рука, сжимавшая узду, ослабела. Нисайский жеребец присел на задние ноги, кровавая пена падала с его изорванных губ. Конь сорвался с места и вынес седока на возвышенность, у подножья которой начинались праздничные поединки. Спор шел за отрубленную голову верблюда. Но для султана торжество уже померкло.

Тускло даже солнце. Надо было сейчас же найти случай и доказать всем, что никто на свете не может быть выше и могущественнее султана. Пусть знают, что он еще силен и крепкой рукой может управлять подчиненными, и со славой властвовать. Никакая ошибка или оплошность не могут покачнуть его владычества и что он – Санджар, не такой, как все!.. А внизу, у подножья холма, все ярче и быстрее, молниями сверкали сабли и копья сражающихся отрядов.

Главный визирь неотступно находился справа от султана и внимательно следил за возбужденной толпой. И только один визирь заметил тихий знак из толпы, по которому понял: его враг – Кумач, именно он в эти минуты может заплатить головой за обиду, нанесенную под Самаркандом. Мстительный и коварный царедворец не мог упустить такого случая. Тихой, спокойной походкой, низко согнув спину, главный визирь приблизился к султану и, как бы восхищаясь состязаниями, сказал:

– Все идет превосходно... Но только что получены сведения: трое, переодетые в нищих, были вчера ночью у эмира Кумача. Главный палач прижег им то место, о котором неприлично говорить... И они сознались, что эмир Кумач имеет злые и тайные намерения – часть налога, собранного Омаром с огузов, оставить себе. Дерзкий Кумач снова возмутил близких вам по крови и преданных до последнего дыхания. Таковы новости, о великий!

Взглядом благодарности удостоил султан своего слугу. А в перерыве между двумя поединками над площадью снова раздался голос джарчи:

– О, славные и непобедимые! В день священного праздника наш единственный и солнцеподобный узнал о том, что один приближенный его милостью к великой персоне замышляет

измену!.. Слышите – черную изме-ену! Этот негодяй хотел во время битвы с Самаркандом открыть ворота нашей крепости... Но великий султан вовремя разгадал подлый замысел коварного. И сейчас владыка повелевает казнить предателей и изменников! Слушайте все: готовится казнь негодяев! Слу-ша-айте!..

Палачи выволокли к подножью холма оголенных по пояс приближенных эмира Кумача и бросили в пыль. По-звериному бегающие и горящие глаза эмира Кумача ничего не понимали. Он со страхом и ненавистью глядел в холодное лицо султана, но ничего не мог понять.

Палач валил обнаженных на колени, хватал их за волосы и резким ударом загнутого ножа вспарывал груди. На землю, в пыль вываливались трепещущие сердца...

– Слава! – выдохнули первые ряды воинов.

– Единственному и величайшему покровителю Турана!

– Слава щиту и мечу могучего Мерва! Taryhy proza